

ПОЛКОВОЙ СВЯЩЕННИК АНДРЕЙ ПАШИН — ВТОРОЙ НАСТОЯТЕЛЬ АЛЕКСАНДРО-НЕВСКОЙ ЦЕРКВИ НА МИНСКОМ ВОЕННОМ КЛАДБИЩЕ

**Иерей
Гордей Щеглов,**

клирик храма святителя
Николая Японского
в городе Минске,
профессор Минской
духовной академии

Священник Андрей Пашин являлся вторым настоятелем полковой Александро-Невской церкви на минском Военном кладбище. О его предшественнике протоиерее Павле Богдановиче, строителе названной церкви, мы уже писали в предшествующем номере¹. Напомним, 10 июня 1911 года протоиерей Павел подал протопресвитеру военного и морского духовенства Георгию Шавельскому прошение об отставке. Уже на следующий день протопресвитер распорядился уволить Богдановича, а на его место назначить заштатного священника расформированного 205-го пехотного резервного Измайловского полка Павла Вороновского, проживавшего в Одессе. Вскоре из Духовного правления протопресвитера были отправлены соответствующие уведомления: в штаб Одесского военного округа, Одесскому уездному воинскому начальнику, в штаб Виленского военного округа, в штаб 30-й пехотной дивизии, командиру 119-го пехотного Коломенского полка и Минскому архиепископу. Но пока депеши были в пути, протопресвитер неожиданно переменял решение и вместо Вороновского

назначил в Минск священника 44-го Сибирского стрелкового полка Андрея Пашина. Экстренно полетели телеграммы начальникам почтово-телеграфных контор Минска, Одессы и Вильно с требованием: «Возвратить обратно, не вручая адресатам, казенные пакеты Духовного Правления»².

Почему же протопресвитер так неожиданно изменил свое решение? А «интрига» заключалась в том, что священник Андрей Пашин приходился племянником протоиерею Павлу Богдановичу, родная сестра которого — Елена Филипповна — была его матерью³. Видимо, частным письмом протоиерей Павел обратился к протопресвитеру, или даже выезжал в Петербург для личной встречи, прося о назначении на свое место племянника. Кстати, и сам протопресвитер давно был знаком с Андреем Пашиным не только по службе в военном ведомстве — оба в одно время учились в Витебской духовной семинарии, только Пашин на два класса старше. И кто знает, может, в семинарские годы были славными товарищами... Но как бы то ни было, Георгий Шавельский удовлетворил просьбу Богдановича.

44-й Сибирский стрелковый полк, в котором служил священник Андрей, располагался в Омске. Именно оттуда ему и предстояло выехать к новому месту. На дорогу понадобилось четыре дня. 8 августа он был уже в Минске. Приняв за пару дней имущество Александро-Невского храма и походной церкви, церковные книги, печати и документы, отец Андрей вступил в должность священника Коломенского полка и благочинного 30-й пехотной дивизии⁴.

Несколько слов скажем о жизни Андрея Пашина до назначения в Минск. Родился он 1 октября 1868 года в семье священника Димитрия Ивано-

¹ Щеглов Гордей, священник. Протоиерей Павел Богданович — строитель и первый настоятель Александро-Невской церкви на минском Военном кладбище // Ведомости Минской митрополии. — 2021. — № 11. — С. 53–62.

² Российский государственный исторический архив (РГИА). Ф. 806. Оп. 5. Д. 7718. Л. 1–6 об.

³ Государственный архив Смоленской области (ГАСО). Ф. 48. Оп. 5. Д. 56. Л. 165 об.

⁴ РГИА. Ф. 806. Оп. 5. Д. 7718. Л. 34–35.

вича Пашина, служившего в то время настоятелем Петро-Павловской церкви села Будница Велижского уезда Витебской губернии¹. В этом же селе родился и Павел Богданович, когда его отец служил там настоятелем. В 1889 году Андрей окончил полный курс Витебской духовой семинарии и вскоре поступил на должность старшего учителя Межевской двухклассной церковно-приходской школы. Спустя два года занял вакансию псаломщика при Войханской церкви Городокского уезда. В феврале 1892 года был рукоположен в сан священника с оставлением в той же церкви на вакансии псаломщика. 13 января 1893 года назначен штатным священником к Городищенской церкви Велижского уезда². В феврале 1907 года перевелся в военное ведомство с назначением полковым священником в 11-й пехотный Сибирский резервный Семипалатинский полк, размещавшийся в это время уже в Омске, хотя изначально базировался в городе Кургане Тобольской губернии. Когда в сентябре 1910-го 11-й пехотный Сибирский резервный Семипалатинский полк и 12-й пехотный Сибирский резервный Барнаульский полк были соединены в 44-й Сибирский стрелковый полк, Андрей Пашин стал священником новосформированного полка.

Ко времени переезда в Минск отец Андрей имел довольно большую семью. С супругой Анастасией Ивановной они воспитывали шестерых детей: Анну, Дмитрия, Федора, Петра, Владимира и Зинаиду. Правда, старшая дочь уже имела собственную семью и проживала в Омске. В мае 1910-го 17-летней девицей она вступила в брак с поручиком 11-го Семипалатинского полка Петром Ивановичем Поповым. В апреле 1911 года у них родился сын Анатолий. Так что у семьи Пашиных появился первый внук.

Из наград к тому времени священник Андрей имел: наперсный крест от Святейшего Синода, орден Святой Анны 3-й степени и медали — серебряную за службу при императоре Александре III, темно-бронзовую за труды по 1-й народной переписи, серебряную Красного Креста в память русско-японской войны и в память 25-летия церковно-приходских школ³.

Что это был за человек, прекрасно иллюстрирует письмо благочинного 11-й Сибирской стрелковой дивизии священника Николая Рождественского, отправленное протопресвитеру армии и флота Георгию Шавельскому. «С чувством живой радости и в то же время глубокой скорби я встретил назначение о. Андрея Пашина к новому, высшему служению, — писал отец Николай. — С чувством радости потому, что достойный получил должное, что для о. Андрея открылось более широкое поле деятельности, где он может шире развернуть свои способности, свои силы и энергию. С чувством скорби

потому, что я с его уходом лишаюсь доброго, отзывчивого на все доброе товарища, ревностного сопастыря, право правящего слово Истины Христовой, сопастыря, снискавшего в своей пастве всеобщую любовь и уважение.

Простите великодушно, Ваше Высокопреподобие, мое дерзновение утруждать Вас сим письмом. Но я считаю и служебным, и товарищеским долгом свидетельствовать перед Вашим Высокопреподобием о высоких служебных и личных качествах о. Андрея Пашина и тем заплатить ему — хотя малую — дань благодарности за его доброе пастырское делание в церкви, вверенной моему благочинническому надзору»⁴.

Коломенцам, можно сказать, повезло, на место одного почтенного и уважаемого в полку пастыря пришел другой — не менее достойный, заслуживший себе доброе имя на прежнем месте служения. В высоких качествах священника Андрея Пашина коломенцам еще предстояло убедиться, но об этом чуть позже...

После принятия церковного имущества и дел священник Андрей Пашин отправился знакомиться с полком, дивизионным начальством и подведомственным духовенством в Скобелевский лагерь. Так назывался полигон между Барановичами и Слонимом, близ станции Лесная Московско-Брестской железной дороги, предназначавшийся для летних сборов 30-й пехотной дивизии.

Осваиваясь в новой должности священника коломенцев и дивизионного благочинного, отец Андрей сразу обратил внимание на неудовлетворительное состояние деревянной дивизионной церкви в Скобелевском лагере, построенной в 1900 году. К этому времени храм от ветхости покосился, а старая гонтовая крыша прохудилась настолько, что уже не защищала от дождя. Церковь нуждалась в экстренном ремонте. Предшественник отца Андрея, протоиерей Павел, уже немолодой и ожидавший выхода в отставку, видимо, не хотел заниматься этим вопросом. Поэтому ходатайствовать перед дивизионным начальством о ремонте храма и браться за это дело пришлось новому благочинному.

Первоначально думали произвести капитальный ремонт старой церкви: подвести новый фундамент, заново переложить стены и покрыть крышу железом. Но когда стали обсчитывать необходимые расходы, выяснилось, что выгоднее построить новый храм при условии, если удастся бесплатно получить строительный лес. Это представлялось желательным и по той причине, что старый храм был настолько невместительным, что большинству молящихся нижних чинов четырех полков, двух артиллерийских бригад, мортирного дивизиона и штабов приходилось стоять во время богослужений под открытым небом⁵.

Уже в Минске кто-то по просьбе отца Андрея сделал чертеж нового, более вместительного храма.

¹ ГАСО. Ф. 48. Оп. 5. Д. 56. Л. 166.

² Российский государственный военно-исторический архив (РГВИА). Ф. 409. Оп. 1. Д. 101304. Л. 1-7.

³ РГИА. Ф. 806. Оп. 11. Д. 173. Л. 3-4.

⁴ РГИА. Ф. 806. Оп. 5. Д. 7718. Л. 24.

⁵ РГИА. Ф. 806. Оп. 5. Д. 8528. Л. 1.

Скобелевский лагерь. Фото начала XX века.

В плане он представлял вытянутый крест: зданием бревенчатый, на кирпичном фундаменте, крытый железом. На постройку храма решили просить безвозмездную выдачу леса из казенных угодий, а все остальное «завести заботами войсковых частей и на пожертвования».

Об отпуске 1300 бревен из казенных лесных дач близ Скобелевского лагеря командир 30-й пехотной дивизии генерал-лейтенант М. Н. Иванов попросил походатайствовать перед минским Управлением земледелия и государственных имуществ архиепископа Михаила (Темнорусова). Но в Управлении отказали, сославшись на 236 статью «Лесного устава» и 164 параграф «Инструкции об отпуске лесных материалов», предусматривающих выдачу от казны лесных материалов только на постройку епархиальных, а не войсковых церквей¹. Тогда генерал попросил преосвященного похлопотать о том же через Святейший Синод. Но и эта просьба осталась без поддержки — всю весну 1912-го архиепископ Михаил тяжело проболел и 26 мая умер. Незадолго до его смерти только что назначенный в епархию викарный епископ Иоанн (Поммер) сообщил, что епархиальное начальство просит содействия Синода «не находит возможным, ввиду отсутствия на то закона»². Это была, скорее всего, отписка. В реальности же было просто не до того: правящий архиерей умирал, а вступивший во временное управление епархией молодой викарий едва только начинал входить в дела и вообще еще слабо ориентировался в новой должности.

Как раз в это время полки 30-й пехотной дивизии съехались на сборы в Скобелевский лагерь, и перед глазами снова предстала покосившаяся с дырявой крышей дивизионная церковь, а вопрос со строительным материалом так и не был решен. Тогда священник Андрей Пашин попросил командира дивизии обратиться к протопресвитеру военного и морского духовенства, чтобы тот инициировал через Святейший Синод ходатайство о бесплатном отпуске казенного леса. Генерал отправил соответствующее отношение протопресвитеру Георгию Шавельскому. В качестве дополнительного аргумента за постройку нового более вместительного храма он, в частности, указывал, что проживающие близ Скобелевского лагеря крестьяне деревень Тартак, Лохозва, Ежоны и других значительно удалены от своих приходских храмов и потому свои духовные нужды и требы в большей мере удовлетворяют в войсковой лагерной церкви. Причем не только в период лагерного времени, но и в течение Великого поста и первых дней Пасхи, когда военные священники ежегодно прибывают в лагерь исповедовать нижние чины охранной команды.

Шавельский не стал обращаться в Синод, а написал непосредственно главноуправляющему землеустройством и земледелием А. В. Криво-

шеину. Прошли лето и осень, а ответа все еще не было. Тогда в декабре Духовное правление при протопресвитере сделало официальный запрос в Главное управление землеустройства и земледелия о том, «какое последовало со стороны главноуправляющего распоряжение» на письмо протопресвитера о бесплатной выдаче казенного леса для строительства церкви в Скобелевском военном лагере. Из Главного управления ответили, что еще в июле затребовали необходимые сведения от минского Управления земледелия и государственных имуществ. Но... ничего более сообщить не смогли. Меж тем обращение Духовного правления подтолкнуло дело, и 22 января 1913 года был получен ответ, что главноуправляющий разрешил отпустить на постройку церкви в Скобелевском лагере «исчисленные для сего по смете 23713,56 куб. футов леса за половину таксы, с тем чтобы отпущенный лес не был обращен в продажу и обмен или употреблен на какую-либо иную надобность, не по прямому своему назначению»³. Это был личный жест благосклонности со стороны А. В. Кривошеина.

Вопрос, таким образом, решился, но лишь отчасти — половину стоимости леса все же предстояло оплатить. Теперь нужно было думать, где взять деньги. По подсчетам отца Андрея строительная смета первоначально составляла 5 038 рублей 75 копеек, но с учетом оплаты леса увеличилась до 6 000.

Уже к маю отпущенный на строительство лес был вырублен, часть кирпича для фундамента доставлена в Скобелевский лагерь, а остальная часть заторгована. Между тем отец Андрей решил внести кое-какие дополнения к первоначальному плану. Составляя с инженером в 1911 году план церкви, он как недавно назначенный еще хорошо не знал «условий удовлетворения религиозных нужд дивизии». Но со временем убедился, что и новый храм при одном алтаре окажется малым, поэтому желательным было строить храм с двумя алтарями, чтобы на ранней и поздней литургиях могли присутствовать две партии воинских чинов. По его замыслу, пристройка второго алтаря с технической стороны не должна была вызвать затруднений, «равно как и повредить прочности храма». Храм такого же типа с пристройкой к нему теплой ризницы сверх плана отец Андрей уже строил, когда служил в селе Городище в Полоцкой епархии. Кстати, именно того же мастера, который строил городищенский Николаевский храм, отец Андрей намеревался подрядить и на строительство дивизионной церкви. Человека этого он знал как очень опытного в строительстве вообще, и в церковном в частности, построившего около 50 храмов. К сожалению, имя этого мастера выяснить не удалось.

Рапорт с просьбой строить дивизионную церковь по измененному проекту отец Андрей направил протопресвитеру Георгию Шавельскому. «Не пред-

¹ РГИА. Ф. 806. Оп. 5. Д. 8528. Л. 1–1 об.

² РГИА. Ф. 806. Оп. 5. Д. 8528. Л. 2.

³ РГИА. Ф. 806. Оп. 5. Д. 8528. Л. 1 об.-8.

ставляю я вновь проекта храма и предполагаемой пристройки 2-го алтаря потому, — писал он, — что составление нового чертежа увеличит расход и без того скудных средств на постройку храма, так как военных инженеров в Минске и Скобелевском лагере нет, а частные инженеры потребуют порядочные деньги за составление чертежа»¹.

Вместе с тем отец Андрей сообщал, что денег нет даже на строительство, и просил протопресвитера разрешить «в крайнем случае» израсходовать на постройку дивизионного храма до 1000 рублей из сумм церкви Коломенского полка на минском Военном кладбище. До этого дивизионное начальство обращалось в Комиссию по устройству казарм и лагерей с просьбой отпустить на строительство 6000 рублей, но получило отказ. Теперь же ничего не оставалось, как попытаться собрать эту сумму своими силами — по 1000 рублей от четырех полков и двух артиллерийских бригад. «Пока же все это сбудется, — писал отец Андрей, — пройдет порядочно времени, и из-за отсутствия средств могут приостановиться работы, строить же храм нужно очень быстро, чтобы закончить и освятить его к началу лагерного сбора будущего 1914 года»².

По своим доходам полковая кладбищенская церковь Александра Невского считалась богатой, поэтому представлялось вполне логичным воспользоваться ее средствами для строительства приписной к ней лагерной церкви. Командир дивизии при первом же разговоре с отцом Андреем о деньгах так и заявил: «Коломенская церковь богата, возьмем отсюда». Но отцу Андрею пришлось разъяснить, что Александровская церковь сама нуждается в большом ремонте, на который понадобятся свои расходы. Тогда генерал согласился «взять деньги пока заимобразно из полковых сумм» — по тысяче с полка. Но в этом случае было справедливым выделить тысячу и от кладбищенской церкви, на что и просил разрешение вместе с изменением плана лагерной церкви дивизионный благочинный у протопресвитера.

Однако протопресвитер затребовал «в самом непродолжительном времени» прислать ему новый план с изменениями и смету. Пришлось делать чертеж с отметкой красными чернилами предполагаемых изменений. Отправляя затребованные сведения, отец Андрей Пашин вновь сообщал, что «определенных средств на постройку храма не имеется», и строиться он будет «хозяйственным способом». Вместе с тем он уведомлял, что заранее установить точную стоимость постройки храма нет возможности, поскольку некоторые работы предполагается производить силами войсковых частей.

Давая разрешение на изменение проекта лагерной церкви и выделение на ее строительство 1000 рублей из сумм церкви Коломенского полка, протопресвитер ставил условие, «чтобы разрешенный расход не повлек за собой задержки в представле-

нии определенных по церкви взносов и был оправдан надлежащими документами, которые должны быть приложены к церковным приходо-расходным книгам»³. Итак, все необходимые разрешения на постройку дивизионной церкви в Скобелевском лагере были получены. Строительство запланировали на осень, когда войска покидали лагерь. А пока продолжали служить в старой покосившейся церкви. Особенно ее непрезентабельный вид смущал воинское начальство и полковое духовенство, когда Скобелевский лагерь посетил новый Минский епископ Митрофан (Краснопольский). В июне, возвращаясь в Минск из Пинского уезда, он совершил в Преображенской церкви всенощное бдение накануне воскресного дня. Ночевал преосвященный тогда в офицерском собрании Коломенского полка, а утром уехал служить в Барановичи⁴.

Спустя менее месяца епископ Митрофан вновь посетил Скобелевский лагерь, уже по случаю 100-летнего юбилея 120-го пехотного Серпуховского полка⁵.

В этом году летние сборы планировали завершить немного раньше — к 14 августа⁶. Видимо, это было связано со строительными работами, которые велись в лагере. К 1914 году сюда планировался перевод на летние сборы 157-го Имеретинского и 158-го Кутаисского пехотных полков 40-й пехотной дивизии, дислоцировавшихся в Бобруйске. Таким образом, лагерь должен был со временем стать местом сборов не одной лишь 30-й пехотной дивизии, а всего IV армейского корпуса. Тогда же началось и строительство новой дивизионной церкви, которое завершилось к концу марта 1914 года⁷. Известно, что ко времени завершения строительства «от всех воинских чинов» 30-й артиллерийской бригады в храм была пожертвована икона Божией Матери «Всех скорбящих Радосте» «в роскошном дубовом киоте с подсвечником к ней», стоимостью 511 рублей⁸.

В это же время произошли некоторые перемены в служебных обязанностях священника Андрея Пашина. В конце 1913 года Военный совет постановил учредить в каждом гарнизоне, имеющем не менее двух военных священников, должность гарнизонного священника. В первую очередь таковой являлся представителем гарнизонного духовенства в контактах с начальником гарнизона. Также

³ РГИА. Ф. 806. Оп. 5. Д. 8528. Л. 13–16.

⁴ Посещение Его Преосвященством м. Баранович при возвращении из поездки в Пинский уезд // Минские епархиальные ведомости. — 1913. — № 15. — С. 399.

⁵ 100-летний юбилей 120 пехотного Серпуховского полка // Минские епархиальные ведомости. — 1913. — № 15. — С. 405–409.

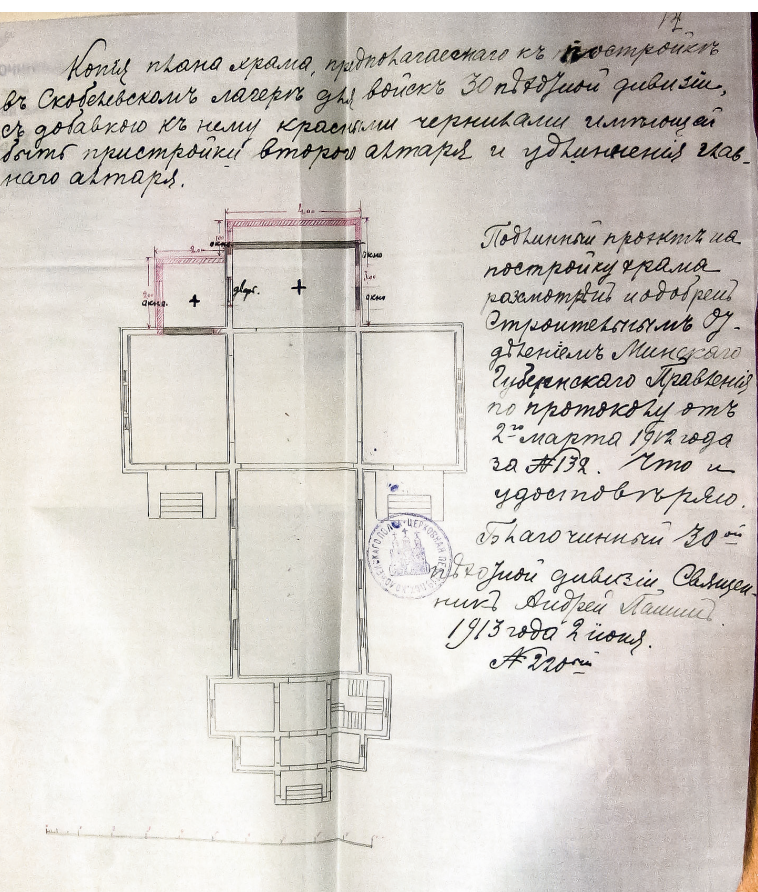
⁶ Возвращение войск // Минская газета-копейка. — 1913. — № 286. — С. 3.

⁷ РГИА. Ф. 806. Оп. 5. Д. 8528. Л. 17.

⁸ Ведомость о пожертвованиях, поступивших в церкви военного и морского ведомств в 1913 году // Вестник военного и морского духовенства. — 1914. — № 15–16. — С. 543.

¹ РГИА. Ф. 806. Оп. 5. Д. 8528. Л. 10–10 об.

² РГИА. Ф. 806. Оп. 5. Д. 8528. Л. 10 об.

План новой церкви
в Скобелевском военном лагере.

в его обязанности входило: созыв братских собраний гарнизонных военных священников, распределение пастырской нагрузки между ними, распоряжения относительно цвета облачений для соборных служений, наблюдение за религиозно-нравственным воспитанием заключенных на гарнизонных гауптвахтах и пр.¹ 8 марта 1914 года на эту должность в минском гарнизоне был назначен священник Андрей Пашин². Впрочем, новые обязанности для него практически ничем не отличались от обязанностей благочинного дивизии, несколько лишь расширив его представительские функции.

В конце апреля Коломенский полк как обычно отправился в Скобелевский лагерь на летние сборы. Все шло привычным установившимся порядком: занятия, стрельбы, снова занятия и т. д. По воскресным и праздничным дням молились в дивизионной церкви. Отговели Петров пост. Все вроде как всегда, однако смутные предчувствия какой-то надвигающейся угрозы волновали многих. Мир стоял на пороге большой войны.

Еще 13 июля командующим войсками в округах Европейской России было объявлено высочайшее

повеление о начале «подготовительного к войне периода»³. 119-й пехотный Коломенский полк экстренно выдвинулся из Скобелевского лагеря в Минск — на место своей штаб-квартиры.

Спустя несколько дней, уже в Минске, полк получил приказ начать мобилизацию и стал комплектоваться по расписанию военного времени.

В те дни, несмотря на то, что слово «война» было уже у всех на устах, всё же еще не было понятно, начнется она или нет. Но высочайший манифест 20 июля со всей неотвратимой определенностью объявил о ее начале.

Мобилизация прошла быстро, без каких-либо затруднений. Полк в составе четырех батальонов по четыре роты каждый, при пулеметной команде и роте службы связи, насчитывал более 3 500 штыков. Полный состав офицеров составил 75 человек.

Трогательные и волнительные минуты пережили коломенцы в день отправки на фронт. 23 июля в полном походном снаряжении с развернутым знаменем полк выстроился на Кошарской площади для напутственного «на брань» молебна. Совершить его должен был Минский епископ Митрофан.

Проводить полк на войну и помолиться за него собрались семьи и знакомые коломенцев и просто множество горожан. Перед строем на аналое стояла полковая икона Преображения Господня. К полудню прибыл епископ. Когда все было готово, командир коломенцев полковник Б. В. Протопопов скомандовал: «На молитву — шапки долой, певчие перед полк!» Начался молебен. Епископ Митрофан служил вместе с полковым священником Андреем Пашиным и еще с кем-то из городского духовенства.

В конце молебна читалась коленопреклоненная молитва. С особой торжественностью звучали слова епископа: «...суди обидающие и побори борюция ны, и обрати нечестивое дерзновение их в страх и бегство: православному же воинству нашему, на Тя уповающему, подаждь во мнозем дерзновении и мужестве погнати и постигнути их, и о имени Твоем победити...»

После молебна епископ Митрофан благословил идущих на войну изготовленной от имени города иконой Божией Матери, сказав при этом «прочувствованную речь»⁴. При целовании креста он окроплял всех офицеров и солдат святой водой. Затем говорил командир полка, напомнив о мужестве, чести, верности, о присяге, о Родине, о царе.

С Кошарской площади коломенцы под звуки полкового оркестра отправились на Александровский вокзал Либава-Роменской железной дороги, где их ждали железнодорожные составы. Общее настроение было приподнятое, чувствовались

¹ Положение о гарнизонных священниках // Вестник военного и морского духовенства. — 1914. — № 4. — С. 161-162.

² Приказы по ведомству Протопресвитера военного и морского духовенства // Вестник военного и морского духовенства. — 1914. — № 9. — С. 324.

³ Восточно-Прусская операция: сборник документов мировой империалистической войны на русском фронте (1914–1917 гг.). — М.: Госвоениздат НКО СССР, 1939. — С. 77.

⁴ Епархиальная хроника // Минские епархиальные ведомости. — 1914. — № 15. — С. 309.

воинский задор и бравада. Тогда еще верилось, что война будет недолгой и непременно победоносной. И никто из уходивших в тот день на фронт коломенцев даже представить не мог, что многие из них погибнут уже в первые месяцы войны.

IV армейский корпус, в состав которого входила 30-я пехотная дивизия и соответственно Коломенский полк, вошел в состав 1-й русской армии генерал-адъютанта П. К. фон Ренненкампа, сформированной на основе войск Виленского военного округа. В начале августа армия вступила в Восточную Пруссию.

Когда начиналось большое сражение за Гумбиннен, 30-я пехотная дивизия получив приказ наступать на Даркемен, выдвинулась двумя колоннами¹. Поскольку разведанные отсутствовали, русские не знали, что впереди развернулись силы противника, на которые вскоре и натолкнулись бригадные колонны. Завязался бой. Выдающуюся роль тогда сыграл священник Андрей Пашин. Командир Коломенского полка полковник Б. В. Протопопов, не разобравшись или запутавшись в обстановке, повел полк в самое опасное место, «где его ожидали расстрел или пленение». Но отец Андрей сумел правильно оценить ситуацию, понял ошибку командира и убедил его направить полк в противоположную сторону, чем фактически спас его от разгрома². За этот поступок священник Андрей Пашин был позже награжден наперсным крестом на Георгиевской ленте³, став, таким образом, вторым священником Коломенского полка, удостоившимся этой высокой награды.

Общее состояние на фронте оказалось в пользу русских, выигравших Гумбинненское сражение.

10 августа коломенцы, находясь у Даркемена, занимались строительством моста через реку Ангерап. Во время работ на мосту вместе с солдатами находился священник Андрей Пашин. По какой-то причине часть моста рухнула. Спасаясь от падения в воду, отец Андрей успел ухватиться за перила, но при этом повредил руку — растянул пястно-фаланговые суставы правой кисти, отчего пальцы опухли и сильно болели⁴.

Армия Ренненкампа продолжала наступать, встречая слабое сопротивление немецких войск, почти без боев, сдававших населенные пункты⁵. Однако, несмотря на успешное наступление, 1-я русская армия, дойдя до реки Алле, остановилась на рубеже рек Алле, Омет, Ангерап и линии Мазурских лесов⁶.

Тем временем для спасения Восточной Пруссии немцы перебросили туда с французского фронта два

Церковь Преображения Господня в Скобелевском военном лагере. Фото начала XX века.

свежих корпуса и кавалерийскую дивизию. Разгромив сначала в Мазурских лесах 2-ю русскую армию Самсонова, немцы высвободили силы и направили их против 1-й русской армии. 27 августа Ренненкампа отдал приказ об общем отступлении.

Под напором германских войск русская 1-я армия, ведя арьергардные бои, быстро откатывалась назад. Местами отступление превращалось в хаос. Избежать окружения и уничтожения удалось лишь благодаря исключительно мужеству солдат и командиров. Однако потери были огромные⁷.

Больше всего пострадали II, IV и XX корпуса, находившиеся на левом фланге армии. Из состава IV армейского корпуса тяжелее других пришлось 119-му пехотному Коломенскому полку, замыкавшему отступление. В боях 29–30 августа полк поте-

¹ Восточно-Прусская операция. — С. 205.

² Шавельский Георгий, протопресвитер. Воспоминания последнего протопресвитера Русской армии и флота. В 2 томах. — Нью-Йорк: Изд. им. Чехова, 1954. — Т. 2. — С. 104–105.

³ РГИА. Ф. 806. Оп. 5. Д. 9359. Л. 159.

⁴ РГВИА. Ф. 409. Оп. 1. Д. 101304. Л. 7.

⁵ Восточно-Прусская операция. — С. 223, 226, 227.

⁶ Восточно-Прусская операция. — С. 351.

⁷ Постников Н. Д. Драма в Восточной Пруссии. Судьба 1-й русской армии генерала Ренненкампа. — М.: Вече, 2014. — С. 143–144.

Первая мировая война. На фронте. Фото 1914–1917 гг.

Первая мировая война. На позициях. Фото 1914–1917 гг.

рял почти весь личный состав, походную канцелярию и знамя. Командир полка пропал без вести¹. По официальным данным в Коломенском полку остались: один штаб-офицер, пять обер-офицеров и 400 штыков².

14 сентября состоялся приказ о расформировании Коломенского полка³. В связи с этим священник Андрей Пашин получил предписание временно исполнять пастырские обязанности в 73-м полевом подвижном госпитале, приданном к 30-й пехотной дивизии, с оставлением в должности благочинного дивизии. Предписание должно было действовать «впредь до вступления Коломенского полка в состав действующей армии»⁴. Полк предполагалось формировать заново.

В это время, пока дивизия находилась на отдыхе и доукомплектовывалась, отец Андрей ненадолго выехал в Минск. Здесь ему пришлось, как настоятелю полковой Александро-Невской церкви на Военном кладбище, решать вопрос о статусе кладбища. Дело в том, что с началом войны на нем стали погребать всех умерших в минских госпиталях и лазаретах, причем без разбора вероисповедания, в том числе и иностранцев — военнослужащих армий противника. Но кладбище изначально предназначалось только для обслуживания минского гарнизона в мирное время. А поскольку оно стало быстро заполняться, возникала ситуация, что после окончания войны и возвращения в город дислоцировавшихся в нем частей, гарнизон мог остаться без кладбища.

Чтобы избежать такой ситуации, священник Андрей Пашин 20 сентября обратился с заявлением к минскому губернатору с просьбой об отводе нового братского кладбища для нужд военного времени «или, в крайнем случае, о распоряжении погребать умерших воинских чинов на кладбищах тех вероисповеданий, к какому принадлежат умершие»⁵. Вместе с тем он просил поторопить это дело, о чем губернатор и написал соответствующую резолюцию на заявлении.

Между тем 24 сентября отец Андрей во время телефонного звонка в Канцелярию губернатора узнал, что дело по его заявлению будет передаваться в штаб командующего войсками. В связи с этим его сильно беспокоило то, что «если в штабе дело это пойдет неправильным порядком, то при массе других дел» оно разрешится очень нескоро, а тем временем минское Военное кладбище будет быстро заполняться погребениями. В тот же день отец Андрей обратился с письмом к начальнику Минской бригады генерал-лейтенанту А. Н. Гав-

рилову, чтобы тот посодействовал по возможности скорейшему разрешению дела в штабе. «Сам я уезжаю в действующую армию и не могу заботиться о данном деле, — писал он. — Я не знал, что дело об отводе нового кладбища зависит от Штаба командующего войсками и подавал ходатайство об этом господину губернатору»⁶.

Но дело решилось не очень быстро. Не углубляясь в подробности, скажем лишь, что только в начале ноября Минская городская дума приняла решение о создании в Минске Братского военного кладбища для погребения на одной половине христиан, а на другой — лиц иных исповеданий. Первые же воинские захоронения на новом кладбище начались с августа 1915-го, а до этого военнотруженики продолжали погребать на Переспенском, Военном и других городских кладбищах⁷.

В октябре 1914-го священник Андрей Пашин снова вернулся на фронт. Коломенский полк в это время уже был сформирован заново и воевал в Польше, участвуя в Варшавско-Ивангородской и Лодзинской войсковых операциях.

В послужном списке священника Андрея Пашина мы находим запись, что с 4 по 21 ноября он «находился под огнем противника при исполнении своих прямых обязанностей на перевязочном пункте»⁸. Впрочем, он вскоре вернулся к обязанностям полкового священника.

В то время, когда полки 30-й пехотной дивизии сражались на фронте, из Минска пришло известие о том, что 15 декабря сгорела церковь Серпуховского полка на Комаровской площади⁹. Церковь сгорела дотла. Из огня удалось спасти немного. Как позже выяснилось, пожар случился из-за «неисправного содержания печи»¹⁰.

13 января 1915 года в Минск на неделю из действующей армии приехал священник Андрей Пашин. Приехал он, чтобы показаться минским врачам, в связи с зубной болью и воспалением надкостницы. Накануне возвращения на фронт он встретился с Минским епископом Митрофаном по поводу сгоревшей церкви Серпуховского полка и относительно постройки нового полкового храма. Во время беседы преосвященный сказал, что искреннее его желание и многих представителей Минска: не оставить на бесследное разрушение после окончания войны устроенного на Кошарах для нужд госпиталя временного храма в честь святого Николая, как одного из первых в России связанного с именем Верховного главнокомандующего.

Речь шла о небольшом деревянном храме, устроенном в Кошарах вскоре после ухода Коломенского полка на войну. Когда части минского гарнизона отбыли на фронт, их казармы временно стали

¹ Шевяков Т. Н. Потери знамен и штандартов Российской Императорской армии в 1799–1917 гг. — Издатель: АСТ, Астрель, 2002. — [Электронный ресурс].

² Восточно-Прусская операция. — С. 494.

³ РГВИА. Ф. 2360. Оп. 2. Д. 13. Л. 45.

⁴ Приказы по ведомству Протопресвитера военного и морского духовенства // Вестник военного и морского духовенства. — 1914. — № 20. — С. 692.

⁵ НИАБ. Ф. 1. Оп. 1. Д. 6418. Л. 2.

⁶ НИАБ. Ф. 1. Оп. 1. Д. 6418. Л. 2 об.

⁷ Усачев О. И. Братское военное кладбище [Электронный ресурс]. — <http://minsk-old-new.com/minsk-3274.htm>

⁸ РГВИА. Ф. 409. Оп. 1. Д. 101304. Л. 6.

⁹ НИАБ. Ф. 300. Оп. 1. Д. 110. Л. 19.

¹⁰ НИАБ. Ф. 300. Оп. 1. Д. 110. Л. 19.

приспосабливать для нужд военного времени. Так, в кошарских казармах развернулись 2-й и 4-й полевые сводные госпитали. А рядом с ними для удовлетворения религиозных нужд раненых и была устроена временная церковь во имя святого блаженного Николая Новгородского — небесного покровителя Верховного главнокомандующего великого князя Николая Николаевича¹.

Вместо постройки новой церкви для Серпуховского полка на месте сгоревшей епископ Митрофан предложил содействие к постройке «нового величественного храма» на Кошарской площади для Коломенского полка, с тем, чтобы храм на Военном кладбище уступить серпуховцам. Новый храм предполагался как памятник ведущейся войны и «ее руководителя Великого князя Николая Николаевича». На его строительство епископ Митрофан даже намеревался сделать денежный сбор по всей епархии. Он был уверен, что на это святое дело охотно отзовутся все представители администрации Минска и губернии. При этом, несмотря на епархиальный почин, храм должен был находиться в военном ведомстве — как военный собор в Минске. Поэтому епископ просил, чтобы начало этому делу положило военное ведомство, «внеся некоторый денежный фонд на построение храма»².

Вместе с тем преосвященный Митрофан очень сожалел, что не смог обо всем этом лично переговорить с протопресвитером военного и морского духовенства Георгием Шавельским, приезжавшим в середине января в Минск, поскольку сам в это время находился в Петрограде³. Поэтому он просил ходатайствовать перед протопресвитером о постройке нового храма отца Андрея.

Соответствующий рапорт священник Андрей Пашин подал 2 февраля. Изложив в нем суть дела, он, в частности, писал: «Ввиду крайне трудного положения в будущем 120 п. Серпуховского полка по удовлетворению религиозных нужд при отсутствии своего храма и неимении средств на постройку нового храма, я лично ничего не имею против назначения своего полкового храма для 120 п. Серпуховского полка (хотя для меня удобнее иметь храм вблизи моей квартиры, как на кладбище), и Коломенский полк тоже будет вполне согласен на это, так как предполагаемый к постройке храм на Кошарской площади будет в центре расположения полка.

Поэтому ходатайствую о возбуждении дела по постройке нового храма для 119 п. Коломенского полка в г. Минске на Кошарской площади, если признана будет возможным передача существующего храма 119 п. Коломенского полка 120 п. Серпуховскому полку.

¹ Щеглов Гордей, священник. Военные храмы Минска. — Минск: Издательство Минской духовной академии, 2018. — С. 41–42.

² РГИА. Ф. 806. Оп. 5. Д. 9710. Л. 8 об.

³ Епархиальная жизнь. Возвращение владыки // Минские епархиальные ведомости. — 1915. — № 3. — С. 78.

Священник 120 п. Серпуховского полка о. Петр Репнин согласен с такой постановкой дела»⁴.

Ознакомившись с рапортом благочинного 30-й пехотной дивизии, протопресвитер написал резолюцию: «Начать сбор денег можно и сейчас, так как в епархии сейчас лучше, чем после войны, откликнуться на это дело, но окончательно вопрос может быть разрешен только после войны»⁵.

Резолюция свидетельствовала, что протопресвитер принципиально не был против предложения. Однако осталась как-то без внимания просьба минского архиерея относительно того, чтобы начало делу положило военное ведомство. Именно с этим в середине марта отец Андрей обратился в Духовное правление при протопресвитере, прося назначить в основу фонда на постройку храма какой-либо капитал⁶. Не дождавшись ответа, он в апреле писал уже непосредственно отцу Георгию Шавельскому. Вновь напомнив суть дела, он просил протопресвитера исходатайствовать «возможную сумму денег на постройку храма», а также разрешить «возбудить через подлежащее военное начальство дело об отчуждении от города нужной площади земли»⁷. При этом отец Андрей отмечал, что идею о постройке храма поддерживает командир 30-й пехотной дивизии, а Минский епископ Митрофан со своей стороны обещает изыскать до 20 000 рублей в дополнение к сумме, могущей быть отпущенной на сооружение храма военным ведомством.

В резолюции Шавельский ответил, что обращаться до окончания войны в военное министерство с просьбой об отпуске денег не находит возможным. Но против ходатайства перед Минским городским управлением «об отводе земли и ассигновании при пожертвовании денег» возражений не имел⁸.

20 мая отец Андрей Пашин сообщал протопресвитеру, что возбужденное «по подлежащей инстанции» дело об отводе городом Кошарской площади под постройку храма для минского гарнизона уже отослано из Штаба армии в Комиссию по устройству казарм. В связи с этим он просил посодействовать, чтобы там это дело «прошло скоро и в благоприятном смысле. В военное время город скорее согласится на отвод земли», — писал отец Андрей. Вместе с тем он полагал, что возбудив дело об отводе земли под постройку войскового храма, Комиссия этим как бы даст обещание отпустить деньги на его строительство⁹.

Однако Комиссия по устройству казарм отклонила ходатайство, сославшись на отсутствие средств на постройку храма, хотя об этом речи пока не шло¹⁰.

⁴ РГИА. Ф. 806. Оп. 5. Д. 9710. Л. 8 об.—9.

⁵ РГИА. Ф. 806. Оп. 5. Д. 9710. Л. 8.

⁶ РГИА. Ф. 806. Оп. 5. Д. 9710. Л. 11.

⁷ РГИА. Ф. 806. Оп. 5. Д. 9710. Л. 13–14.

⁸ РГИА. Ф. 806. Оп. 5. Д. 9710. Л. 15 об.

⁹ РГИА. Ф. 806. Оп. 5. Д. 9710. Л. 16.

¹⁰ РГИА. Ф. 806. Оп. 5. Д. 9710. Л. 22.

Меж тем отцу Андрею виделось крайне желательным заполучить землю до окончания войны. В конце июня он снова писал протопресвитеру о нуждах минского гарнизона: о предполагаемой передаче кладбищенской Александро-Невской церкви Серпуховскому полку, о постройке для Коломенского полка на Кошарской площади вместо временной госпитальной Николаевской церкви нового величественного храма как памятника «настоящей славной по подъему народного духа войны» под руководством Великого князя Николая Николаевича. Он просил протопресвитера обратиться за содействием к командующему Минским военным округом, чтобы тот ходатайствовал перед городом об отчуждении и передаче военному ведомству всей Кошарской площади — между Скобелевской и Окольной улицами, вначале Кошарского двора¹. Часть этой площади нужна была под постройку храма и посадку вокруг него сада, а часть — под место для проведения парадов в царские дни.

«Город Минск с отдачею всей Кошарской площади под постройку храма и сада около него ничего не потеряет, — писал отец Андрей. — Храм займет относительно небольшое пространство и с засаженным вокруг него садом будет украшением города, а сад полезен и в гигиеническом отношении. Кроме того, с постройкою храма на Кошарской площади будет удовлетворено и религиозное чувство многих горожан, жителей прилегающей к Кошарам местности, лишенных в настоящее время возможности частого посещения храма за малочисленностью их в г. Минске и переполнением их в большие праздники.

Если почему-либо полки дивизии не будут оставлены после войны в городе Минске, то все равно Минск без войск не останется и для других воинских частей требуется постройка храма; возбуждать же дело об отводе земли необходимо заранее, чтобы ко времени возвращения частей на место стоянки этот вопрос был разрешен, и тотчас по окончании войны можно было бы приступить к постройке храма.

К тому же, если храм почему-либо не будет строиться на Кошарской площади, город может тогда взять опять в свое пользование эту площадь»².

В середине июля помощник протопресвитера протоиерей Иоанн Морев обратился к командующему Минским военным округом с просьбой возбудить ходатайство перед Минским городским общественным управ-

Первая мировая война. В резерве. Фото 1914–1917 гг.

Первая мировая война. В часы затишья. Фото 1914–1917 гг.

Первая мировая война. Жертвы войны. Фото 1914–1917 гг.

¹ РГИА. Ф. 806. Оп. 5. Д. 9710. Л. 18–18 об.

² РГИА. Ф. 806. Оп. 5. Д. 9710. Л. 18–19.

лением об отводе и отчуждении Кошарской площади под строительство полковой церкви¹. Однако последующие военно-политические события воспрепятствовали дальнейшему развитию дела.

1-я армия генерала Литвинова, в состав которой входил IV армейский корпус, весной 1915-го развернулась по реке Нарев, прикрывая с севера Царство Польское.

Меж тем стратегическое положение на фронте ухудшалось с каждым днем. Верховное германское командование готовило план по уничтожению значительных русских сил на территории Царства Польского путем их двустороннего охвата, для чего была сформирована ударная группа из трех армий. Однако русское командование разгадало замысел немцев и начало заблаговременный отвод войск. Благодаря этому впоследствии удалось избежать катастрофы и вырваться из «польского мешка».

Известно, что Коломенский полк вел тяжелые бои на территории Цеханувского и Пултусского поветов Мазовецкого воеводства. За несколько дней коломенцы вновь понесли огромную убыль, потеряв убитыми, ранеными и пропавшими без вести 33 офицера и более 3 000 низших чинов. От полка осталось тогда в строю не более 200 человек.

Оставление Польши и всеобщее отступление, сопровождавшееся огромными потерями, оказали на русскую армию тягостное впечатление. Воинский дух в войсках был сильно подорван. Но... война продолжалась...

Осенью IV армейский корпус закрепился на Двинском фронте. Вскоре фронт стабилизировался. Противоборствующие стороны зарылись глубоко в землю, заградившись минными полями и густыми рядами колючей проволоки. Начался длительный период позиционной войны.

10 апреля 1916 года полк встречал Пасху. Была ли пасхальная служба, и кто ее совершал, неизвестно. Протоиерей Андрей Пашин в это время находился в Минске. Возможно, он планировал встретить Светлое Христово Воскресение в полку, но травмировался. Поздним вечером 7 апреля, будучи проездом по делам службы у деревни Анисимовичи под Барановичами, он попал под колесо свалившейся в канаву повозки. При падении получил многочисленные ушибы головы, груди, рук, ног — со ссадинами и кровоподтеками². Конечно, в таком состоянии ехать в распоряжение полка он не мог. Между тем коломенцы не остались без пасхального утешения. 12 апреля супруга командира корпуса С. А. Алиева вместе с супругой начальника штаба корпуса госпожой Меницкой раздали нижним чинам полка подарки. При раздаче подарков присутствовал сам командир корпуса.

Незаметно наступил август, и вместе с тем приближался полковой праздник. К нему стали готовиться загодя. Бивак ко дню праздника решили украсить по-особенному. Буквально за несколько

дней повсюду устроили клумбы цветов и газоны, проложили дорожки. Соорудили множество декоративных арок с гербами, портретами императора Николая II и надписями: «Боже, Царя храни!» Так что ко дню праздника весь лагерь утопал в зелени и цветах.

6 августа, на Преображение Господне, протоиерей Андрей Пашин совершил Божественную литургию и отслужил молебен. Затем состоялся парад, который принимал командир корпуса генерал-лейтенант Алиев. Проходили на параде поротно развернутым фронтом. Командир корпуса остался доволен, похвалив за выправку и прохождение церемониальным маршем. После парада Алиев осмотрел лагерь, обратив внимание на его украшение. После обхода командир корпуса и гости, пожаловавшие по случаю полкового праздника, были приглашены в офицерское собрание полка на товарищеский обед. Нижним чинам в этот день была выдана на каждого фунтовая порция ветчины, фунт белого хлеба, одно яйцо и порция масла. После обеда состоялись солдатские игры и танцы, на которых присутствовал командир корпуса и выдавал денежные награды лучшим плясунам.

Надо заметить, что, несмотря на фронтовые условия, полковой праздник провели в лучших традициях, как в мирное время. И если бы не канонада, доносившаяся со стороны фронта, можно было бы подумать, что полк отмечает свой праздник на лагерных сборах, как когда-то под Бобруйском или в Скобелевском лагере. Но, кажется, это был последний полковой праздник, отмеченный с таким размахом... Время быстро менялось.

В начале октября Коломенский полк стал готовиться к отправке на другой театр военных действий — в Румынию, куда переводился весь IV корпус. В это время там происходили активные боевые действия. Под натиском австро-венгерских и германских войск румынская армия терпела поражение за поражением. Ситуация складывалась критическая. Чтобы поддержать союзницу, Россия решила направить в Румынию значительную военную силу.

Снявшись с Двинского фронта, Коломенский полк в начале ноября прибыл на Румынский фронт и вскоре вступил в тяжелые бои.

В это время с полком распрощался протоиерей Андрей Пашин, получивший назначение на священническую должность в штаб XII армии Северного фронта³.

О том, как складывалась его судьба в военные и последующие годы, сведений сохранилось немного. В основном это информация из послужного списка и других официальных источников.

В Минске отец Андрей бывал очень редко, находясь в основном в действующей армии. Кто служил в Александро-Невской церкви во время его отсутствия, можно проследить по полковым метрическим книгам. Со времени ухода Коломенского

¹ НИАБ. Ф. 1. Оп. 1. Д. 6652. Л. 53–53 об.

² РГВИА. Ф. 409. Оп. 1. Д. 101304. Л. 7.

³ РГВИА. Ф. 409. Оп. 1. Д. 101304. Л. 4.

полка на фронт и до сентября 1915 года богослужения и требы там совершал священник минского кафедрального собора Исаак Далматский¹. В сентябре 1915-го в полковой церкви служили священники Андрей Соколов, Иоанн Зенюк, игумен Антоний². В начале 1916 года там служили и совершали требы иеромонах 221-го запасного полевого госпиталя Мефодий, в апреле — начале мая Андрей Пашин, затем с мая все лето и осень — священник 114-го полевого запасного госпиталя Владимир Дорошевский³.

Сын священника Андрея Пашина — Петр, в то время ученик Минской духовной семинарии, безвозмездно исполнял при Александро-Невской церкви обязанности псаломщика, за что впоследствии приказом главнокомандующего армиями Западного фронта от 2 января 1916 года был награжден нагрудной серебряной медалью «За усердие» на Станиславской ленте⁴.

Хотя в Минске священник Андрей Пашин в 1915–1916 годы бывал лишь эпизодически, тем не менее он даже числился в это время законоучителем Третьего 1-классного приходского мужского⁵ и Второго 4-классного женского училищ⁶, находившихся в ведении Министерства народного просвещения. А вот должность гарнизонного священника с 1915-го вместо него исполнял уже кто-то другой.

Известно, что высочайшим приказом от 26 февраля 1915 года священник Андрей за спасение полка в Восточной Пруссии был пожалован золотым наперсным крестом на Георгиевской ленте из Кабинета Его Императорского Величества. А 7 апреля того же года он был возведен в сан протоиерея⁷.

2 октября 1915 года протоиерей Андрей был награжден орденом Святого Владимира 4-й степени с мечами «за отличия во время военных действий»⁸.

С 11 декабря 1915 по 15 января 1916 года отец Андрей находился в отпуске, во время которого ездил в Омск, где, как уже говорилось, проживала его старшая дочь Анна. Возможно, он ездил навестить свою семью, которая могла уехать туда из Минска в начале осени, во время наступления немецкой армии, когда началась экстренная эвакуация городских учреждений и паническое бегство мирного населения. Несколько дней он провел в городе Коломне, где по его просьбе состоятельные граждане поднесли в дар 119-му Коломенскому полку «роскошный полковой образ-складень».

В середине складня была изображена полковая икона Преображения Господня, а по сторонам — святитель Николай Чудотворец и преподобный Сергей Радонежский. Все иконы были в «хороших серебро-позлащенных ризах». Стоил складень 400 рублей. 16 января протоиерей Андрей доставил складень в полк, который в то время находился на Двинском фронте⁹.

В начале июня 1916-го протоиерей Андрей выезжал в Псков для участия в съезде военных благотворителей. В конце июля ездил «по делам службы» в Петроград, а с 13 августа находился в трехнедельном отпуске в Минске.

29 сентября 1916 года он «за отличия в делах против немцев» был награжден орденом Святой Анны 2-й степени с мечами¹⁰.

И вот новое назначение — в штаб XII армии. Перед отбытием с Румынского фронта отец Андрей передал обязанности дивизионного благочинного священнику Серпуховского полка Петру Репнину. В Минске он сдал церковные дела своему преемнику и 21 декабря отправился к месту нового служения. Известно, что летом 1917-го он продолжал состоять в той же должности и находился вместе со штабом в Риге¹¹. К концу года штаб армии уже располагался в Валке, затем в Рыбинске, а в начале 1918-го полевое управление XII армии было ликвидировано.

Трагично впоследствии сложилась судьба протоиерея Андрея Пашина. С 1919 года он служил в Свято-Димитриевском храме станицы Мингрельской. 13 сентября 1920 года его расстреляли большевики. Там же в станице отец Андрей и был похоронен. Известно, что в Мингрельской после гибели священника Пашина продолжали в последующие годы еще проживать его супруга и сын Петр¹².

Неискушенному читателю, возможно, и невдомек, каких трудов стоит подобная историческая реконструкция. На написание настоящего очерка понадобился не один год. Много времени, сил и средств ушло на выявление источников. География архивохранилищ, материалы фондов которых использованы в этом небольшом исследовании, такова: Минск, Москва, Санкт-Петербург, Смоленск, Абинск. Собираемые материалы необходимо было обработать, поставить в логические связи, скомпоновать и подать. Появлявшиеся новые источники не только дополняли картину, но и меняли композицию исследования. И хотя этот процесс представляется довольно сложным, именно так рождалась достоверность...

¹ ЦГИА СПб. Ф. 19. Оп. 128. Д. 1907. Л. 235–257.

² Там же. Л. 257.

³ Там же. Л. 258–260.

⁴ Деятельность учащихся духовных школ Минской Епархии, получивших одобрения и благодарности // Минские епархиальные ведомости. — 1916. — № 16. — С. 428.

⁵ Памятная книжка Минской губернии и календарь на 1915 год. — Минск: Губернская тип., 1914. — С. 77.

⁶ Памятная книжка Минской губернии и календарь на 1917 год. — Минск: Тип. инвалидов, 1916. — С. 59, 60.

⁷ РГВИА. Ф. 409. Оп. 1. Д. 101304. Л. 4.

⁸ РГВИА. Ф. 409. Оп. 1. Д. 101304. Л. 4.

⁹ От Духовного при протопресвитере военного и морского духовенства Правления // Вестник военного и морского духовенства. — 1916. — № 10. — С. 300.

¹⁰ Приказ главнокомандующего армиями Северо-Западного фронта № 406 от 3 января 1915 г. (РГВИА. Ф. 2048. Оп. 2. Д. 115. Л. 98 об.).

¹¹ РГВИА. Ф. 2044. Оп. 1. Д. 25. Л. 580, 592.

¹² Архивный отдел Администрации МО Абинского района. Ф. Р-125. Оп. 1. Д. 1922. Л. 144/228.